

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова

ПЯТЬ КОПЕЕК

до будущего

1974

2026

✦ ————— Бытовая фантастика ————— ✦

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова
Пять копеек до будущего

<https://litres.ru/74021738>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если однажды ты проснёшься в Москве 1974 года?

Без телефона. Без карты. Без такси. Без возможности открыть приложение и понять, куда идти.

Ника Лазарева живёт в Москве 2026 года и ведёт блог о простом быте. После резкого ролика о том, что в СССР людям жилось проще, она засыпает в квартире бабушки — и просыпается в прошлом. Все зовут её Ниной. В метро надо бросать пятак, на общей кухне слышно каждое слово, а в гастрономе деньги не решают главного: если товара нет, купить его нельзя.

Сначала Ника воспринимает 1974 год как странный ретро-аттракцион. Но прошлое быстро показывает ей: чужая жизнь — не материал для красивого контента. Одно неосторожное слово может испортить судьбу тем, кто уже стал ей дорог.

«Пять копеек до будущего» — бытовая фантастика о блогерше, которая потеряла аудиторию, чтобы впервые увидеть людей рядом.

Содержание

Часть I. Москва без сети	4
Глава 1. Ролик про дешёвую Москву	4
Глава 2. Бабушкина квартира у ВДНХ	13
Глава 3. Фотография с обратной стороны	25
Глава 4. Утро в 1974-м	38
Глава 5. Кухня, где Москва не кажется большой	52
Глава 6. Пять копеек в турникет	67
Глава 7. Гастроном у метро	80
Глава 8. Стенгазета вместо сторис	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Виктория Ончукова, Виктор Алеветдинов Пять копеек до будущего

Часть I. Москва без сети

Глава 1. Ролик про дешёвую Москву

Утро началось не с кофе, а с красного пуша банка. Ника открыла один глаз, увидела списание за аренду и закрыла его обратно, будто приложение могло постесняться и отменить платёж. Через минуту банк сообщил: «Платёж выполнен успешно». Успешно означало, что Ника стала беднее на сумму, за которую бабушка, наверное, предложила бы купить дачу, два ковра и торт к чаю.

— Нормально, — сказала Ника пустой квартире. — Просто Москва проверяет, насколько я её люблю.

Съёмная однушка в Ростокино ответила щелчком батареи. До МЦК отсюда можно было дойти за десять минут, если не думать, сколько стоит жить рядом с удобством. В домовом чате ругались из-за коробки у лифта. Коробка была Никиной.

Она набрала: «Заберу через пять минут, извините», стёрла «извините» и отправила: «Заберу». Домовой чат нельзя было кормить вежливостью.

Кофемашина заморгала жёлтой лампочкой. Вчера она требовала воду, сегодня очистку, завтра, наверное, попросит отдельную комнату. Ника налила растворимый кофе и открыла статистику канала. График ночных просмотров шёл вниз. Вчерашний ролик про «как прожить день в Москве и не купить лишнего» не зашёл. В комментариях писали, что лишнее — это сама Москва, аренда и привычка платить за воздух.

Сообщение от Риты пришло в восемь ноль три. Рита никогда не писала «доброе утро»: интеграция до пятнадцати, бренду нужна боль, шутка, вывод и уверенный тон.

«Я уверена, что кофе отвратительный», — набрала Ника.

Рита ответила сразу: «Вот с этого и начни. Только привяжи к продукту».

День расползлся: доснять интеграцию, забрать заказ в ПВЗ, оплатить интернет, купить продукты к бабушке, ответить подписчице про аренду. На последнем пункте Ника поставила звёздочку и почувствовала стыд. Звёздочка в её телефоне часто означала «никогда, но красиво».

В дверь позвонили. Курьер стоял на площадке с пакетом и усталым лицом.

— Доставка. Лазарева?

— Вы же после десяти должны были.

— Приложение решило, что вы готовы.

— Оно знает меня лучше, чем я?

— Оно всех знает.

В пакете для бабушки лежали творог, яблоки, чай и печенье без сахара. На дне нашёлся раздавленный помидор. Ника сфотографировала его для жалобы, но жалобу не отправила. На это ушёл бы остаток терпения.

Телефон снова пискнул. Комментарий под старым роликом вылез поверх экрана: «Вы все ноете. В СССР люди жили проще. Метро пять копеек, квартиры давали, хлеб копейки, люди разговаривали, а не сидели в телефонах».

Ника замерла с мокрыми руками. Рядом с комментарием стояли лайки, люди спорили и звали в свидетели родителей.

Идея ролика пришла сразу.

Ника поставила телефон на штатив у окна. За стеклом серело обычное московское утро: мокрый двор, женщина с собакой, мужчина с пакетом из ПВЗ, автобус за деревьями. До ВДНХ рукой подать, если пройти через переходы, турникеты, дождь и людей в час пик.

Она включила камеру и улыбнулась так, чтобы не было видно плохого кофе и хорошей тревоги.

— Москва, доброе утро. Сегодня выпуск для всех, кто пишет: «Раньше было проще». Метро стоило пять копеек, квартиры давали, продукты были дешёвые. Звучит прекрасно. Вопрос только один: почему при таком наборе бонусов мы сидим в двадцать шестом году и платим за аренду так,

будто снимаем кладовку с видом на Кремль?

Она остановила запись: голос вышел рекламным, не её.

Начала заново.

— Меня зовут Ника Лазарева, я веду канал про московский быт без лака. Сегодня говорим о дешёвой Москве, где нужно доехать, купить, заплатить и сохранить лицо, когда банк прислал пуш.

Телефон дрогнул от входящего видеозвонка. Рита появилась на экране в машине, с идеальной помадой и взглядом человека, который мог продать дедлайн будильнику.

— Тема?

— Дешёвая Москва. СССР против двадцать шестого.

— Отлично. Делай серию: метро, квартиры, продукты, люди без телефонов. Это зайдёт.

— Это может быть глупо.

— Всё может быть глупо, если плохо снять. Тебя смотрят не как историка. Тебя смотрят как человека, который говорит вслух то, что болит. Только нужна позиция.

— А если я скажу ерунду?

— В комментариях поправят. Главное — не исчезай. Нет охвата — нет денег, нет денег — нет квартиры.

Вызов оборвался. Ника посмотрела на чёрный экран и увидела своё лицо: чуть опухшее после плохого сна, с помятым следом от подушки. Быть видимой каждый день было работой, на которую нельзя прийти без лица.

Она снова включила запись.

— Я понимаю, почему людям хочется верить в простое прошлое. Когда прилетает аренда, подписка, счёт за интернет и сообщение «ваш тариф изменится», очень хочется найти время, где мир не обновлял условия каждые три дня. Где метро — пять копеек, хлеб — копейки, квартира — очередь, в которой ты однажды дождёшься.

Ника взяла пакет с помятым помидором и показала в камеру.

— А вот современная свобода. Я могу заказать помидор за пять минут. Он приедет грустным, но приедет. Я могу пожаловаться, получить баллы и всё равно в конце месяца спросить себя: где деньги, Ника? Где они, родные?

Она почувствовала ритм и продолжила легче.

— А теперь представим другую Москву. Метро дешёвое, да. Люди разговаривают, да. Только разговаривают они иногда потому, что кухня общая, стены всё слышат, телефон не у каждого, а очередь — это не когда перед вами три человека в кофейне.

Слова шли хорошо, но мысль о бабушке мешала. Нина Петровна не любила, когда внучка брала советское прошлое как реквизит. После ролика про «бабушкины способы экономии» она сказала:

— Мы так не экономили. Мы так жили.

Фраза сбивала весёлую подводку, потому что была правдой.

Ника достала из шкафа старый гранёный стакан, поста-

вила рядом с бумажным стаканчиком из кофейни и снова включила запись.

— Тут стакан из прошлого: тяжёлый, живучий, пережил три переезда и мою попытку сделать в нём тирамису. А тут стакан из настоящего: удобный, одноразовый, дороже своей совести. Мы всё время выбираем между тем, что служит долго, и тем, что не надо мыть. И в этом, возможно, вся Москва.

Она рассмеялась. Мысль была настолько наглой, что почти имела право на жизнь.

Монтаж занял почти два часа. Ника вырезала кашель, соседскую дрель и собственную фразу «я не знаю». Эту фразу она вырезала всегда. Аудитория любила сомнения, когда они красиво упакованы, но плохо переносила человека, который сомневается прямо сейчас.

В ПВЗ она забрала заказ, выслушала ссору из-за кода получения и едва не сняла её для сторис. Телефон был в руке, но Ника убрала его в карман. Не всё надо превращать в материал.

Дома ролик выгружался медленно. Ника поставила обложку: она с гранёным стаканом и крупная надпись «5 копеек до счастья?» Название понравилось ей и от этого показалось подозрительным.

Публикация ушла в тринадцать двадцать. Комментарии появились почти сразу. Одни благодарили, другие писали, что молодёжь опять судит, не зная. Бабушек звали в свидетели так часто, будто под роликом открылся семейный ар-

хив. Ника читала и чувствовала знакомое тепло: ролик пошёл. Алгоритм любил, когда люди приносили в комментарии семейную память.

Рита прислала голосовое: ролик пошёл, нужно делать серию, следующий выпуск — про квартиры, там будет боль и удержание. Ника прослушала, усмехнулась на фразе «заказать порядок в доме» и закрыла мессенджер.

После четырёх началась драка. Пришли защитники прошлого, прокуроры настоящего и мужчина, который под каждым ответом писал: «А вы почитайте документы». Ника лайкнула его из уважения к упорству. Через десять минут он обвинил её в манипуляции и потребовал назвать источник гранёного стакана. Она хотела ответить: «Источник — бабушкин шкаф», но оставила человека наедине с его архивом.

К шести Ника поняла, что не ела. В холодильнике нашлись йогурт, половина огурца и контейнер с гречкой, который смотрел на неё с укором старшего поколения. Она разогрела гречку, открыла банк и пожалела. После аренды, продуктов, интернета и пары мелких списаний остаток снова стал характером, только теперь с плохим настроением.

В личку пришло сообщение от подписчицы, той самой со звёздочкой: «Вы смешно говорите про аренду, а я сегодня плакала после звонка хозяйки. Она поднимает на десять тысяч. Мне некуда».

Ника отложила ложку. Ответить нужно было не как блогерша. Она набрала: «Это правда тяжело. Напишите район и

срок, попробуем поискать варианты без комиссии. И сегодня можно плакать. Это не слабость».

Отправила и тут же смутилась. Слишком прямо, без шуток. Но исправлять человеческое на удобное не захотелось.

Домовой чат снова ожил. Ника вышла за коробкой и столкнулась с соседкой с пятого.

— Молодые всё заказывают и заказывают. Раньше люди в магазин ходили.

— Раньше, говорят, и метро пять копеек стоило.

Соседка посмотрела на неё внимательно.

— Стоило. Только вы бы там тоже опоздали.

Она ушла к лифту, оставив Нику с коробкой и странным чувством, что ей поставили маленькую, но точную двойку.

В квартире стемнело. Ника открыла аналитику. Ролик набрал лучше, чем всё за последнюю неделю. Рита прислала ещё три идеи, бренд — довольный смайлик. День почти выправился.

Она написала бабушке: «Ба, видела мой новый ролик? Только не ругайся сразу. Там не про тебя, а про Москву».

Бабушка не ответила. Нина Петровна вообще писала редко. Она считала, что телефон нужен для дела, а не для того, чтобы человек каждые десять минут доказывал, что жив.

Ника поставила телефон экраном вниз, выдержала полминуты и снова перевернула. Пусто. Она ответила на несколько комментариев, удалила один злой и почувствовала себя нравственной, но неэффективной.

Сообщение от бабушки пришло вечером.

Всего одна строка.

«Ты не знаешь, о чём говоришь».

Ника перечитала её два раза. Потом ещё. В комнате щёлкнул холодильник. Телефон в руке стал тяжёлым: за одной строкой стояла бабушкина закрытая дверь.

Глава 2. Бабушкина квартира у ВДНХ

Сообщение бабушки висело в телефоне всю ночь и не стало мягче. Пять слов, без смайлика и без точки, а звучали так, будто бабушка не спорила, а поставила перед ней закрытую дверь.

К полудню Ника стояла у выхода из метро ВДНХ с пакетом продуктов в руке и раздражением, которое никак не удавалось назвать заботой. Одни вспоминали мороженое за девятнадцать копеек, другие отвечали про очереди, третьи ругались из-за квартир так, будто до сих пор стояли в домоуправлении у закрытого кабинета.

Рита прислала: «Цифры отличные. Срочно делаем продолжение. Про квартиры. Там будет мясо».

Ника посмотрела на слово «мясо» и представила, как бабушка читает это вслух своим спокойным голосом. Наверное, сказала бы: «У вас теперь всё мясо, кроме мяса». Она почти написала Рите резкость, но стёрла. Рита не была злой. Ника сама так жила последние годы и только сейчас услышала, как это звучит со стороны.

Она убрала телефон в карман и пошла к бабушкиному дому. Здесь город держался не за открытки, а за облупленные подъезды, кусты у окон, лавочки и таблички, которые давно

привыкли быть незаметными.

В пакете лежали творог, яблоки, чай и печенье без сахара. В последний момент она добавила пачку обычного печенья, потому что бабушка всё равно сказала бы, что печенье без сахара — это не еда, а медицинская ошибка.

Домофон у бабушкиного подъезда работал по настроению. Сегодня настроение у него было плохое. Ника нажала кнопку три раза, потом позвонила бабушке.

— Ба, это я. Домофон опять умер.

— Он не умер, — ответила Нина Петровна. — Он отдыхает от людей. Сейчас открою.

Щелчок прозвучал на удивление бодро. Ника вошла в подъезд. Лифт был маленький, с зеркалом, в котором лицо выглядело виноватым даже без причины.

Бабушка открыла сразу. Невысокая, прямая, в домашней кофте с аккуратно зашитыми рукавами. Она посмотрела на пакет.

— Опять привезли?

— Я сама донесла.

— От подъезда?

— От метро, между прочим.

— Тогда героизм засчитан.

Ника сняла обувь и прошла на кухню. Здесь ничего не менялось быстро. На подоконнике стоял алоэ, такой живучий, будто пережил всех владельцев дома и собирался пережить управляющую компанию.

— Чай будешь? — спросила бабушка.

— Буду.

— С печеньем?

— Я тебе привезла без сахара.

— Без сахара — это не печенье. Это наказание за плохое поведение.

Ника усмехнулась и впервые за день немного выдохнула. Каждое движение у неё было точным. Ника помогла разложить продукты, получила замечание за яблоки в холодильник и за чай «с бергамотом, будто обычного нельзя было купить».

— Ты сообщение моё получила? — спросила бабушка, когда чай заварился.

Ника села напротив.

— Получила. Поэтому и приехала.

— Хорошо.

— Ба, я не хотела тебя обидеть.

— Я не обиделась.

— А написала так, будто обиделась.

Нина Петровна налила чай. Струя попала ровно в середину чашки, ни капли мимо.

— Я написала так, как есть.

Ника потянулась к телефону, чтобы проверить, не упало ли что-то срочное, но поймала бабушкин взгляд и убрала руку. Сидеть без телефона на столе оказалось почти неприлично, словно она пришла без верхней одежды.

— Я же не сказала, что в СССР был рай, — начала Ника.
— Я говорила про другое. Про то, что людям было понятнее. Метро копейки, коммуналка небольшая, квартиры давали. Сейчас ты всю жизнь платишь за право не жить в чужой комнате.

Бабушка поставила перед ней розетку с вареньем. В этой квартире даже банки имели вторую биографию.

— Квартиры давали, — сказала Нина Петровна. — Только сначала надо было дожидаться. А пока ждёшь, живёшь так, что чужая кастрюля знает о тебе больше, чем родная мать.

— Но всё равно давали.

— Иногда. Не всем. Не быстро. Не так.

Ника почувствовала, как внутри поднимается знакомое желание выиграть спор. Не поспориться, не понять, а именно выиграть. Оно включалось само, как свет в холодильнике.

— Но сейчас тоже не всем и не быстро. Только сейчас тебе никто не даст. Максимум банк даст ипотеку, а потом двадцать лет будет смотреть на тебя внимательнее, чем родная семья.

— Банк хотя бы не спрашивает у соседки, хорошо ли ты себя ведёшь.

Ника открыла рот и закрыла. У бабушки была неприятная привычка говорить коротко и попадать в слабое место.

— Ладно. Про жильё сложнее. Но транспорт? Пять копеек за метро. Пять. Сейчас одна поездка — как маленькая моральная травма.

— Дёшево, — согласилась бабушка. — Только если ты не успела, никто тебе машину в телефон не вызовет. Если нужно позвонить, ищи автомат. Если номер занят, стой и слушай гудки. Если дома телефона нет, передай через соседей. А соседи потом знают, кому ты звонила и почему плакала.

— Ты говоришь так, будто сейчас соседи ничего не знают. У нас домовый чат знает, кто вынес коробку, кто курит, кто поставил самокат у лифта и кто живёт без регистрации. Скоро, думаю, будут голосовать, кому можно покупать кабачки после десяти вечера.

Бабушка хмыкнула.

— Вот видишь. Прогресс есть. Раньше кабачки не привезли бы.

Ника рассмеялась, но смех вышел коротким. Бабушка не смеялась над ней. Она как будто аккуратно возвращала каждую красивую фразу на землю и проверяла, стоит ли та на ногах.

— Ба, мне же надо говорить с людьми на их языке. Они пишут: раньше было проще. Я отвечаю: давайте разберёмся. Это нормальная тема.

— Тема нормальная. Тон у тебя бойкий.

— А какой нужен?

— Человеческий.

Ника помолчала. На стене тикали часы, хотя кукушка давно ушла в отставку.

— Ты считаешь, я использую прошлое?

— Ты его подаёшь.

— А что в этом плохого?

— Подают пирог. А жизнь вспоминают осторожно.

Ника взяла сушку и начала крутить её в пальцах. Сушка была твёрдая, почти музейная. Укусить такую значило признать силу старшего поколения.

— Ты могла бы сама рассказать, — сказала она. — Я бы сделала аккуратно. Без скандала. Просто разговор. Как вы жили, что было легко, что тяжело.

Бабушка посмотрела в чашку.

— Не всё надо рассказывать в камеру.

— Я не обязательно в камеру.

— Ты пока сама не знаешь, когда камера у тебя выключена.

Эта фраза задела сильнее, чем Ника хотела показать. Она поднялась, понесла пустую розетку к раковине, хотя варенье ещё оставалось.

— Я правда приехала поговорить, а не снимать.

— Тогда поговорим.

Бабушка встала и ушла в комнату. Ника осталась на кухне, прислушиваясь к шорохам. Через минуту Нина Петровна вернулась с большим альбомом в коричневой обложке.

— Смотри, — сказала она. — Только руками аккуратно.

— Ба, мне тридцать один.

— Альбому больше.

Ника села рядом. Альбом пах пылью и старой бумагой.

На первой странице были чёрно-белые лица. Ника знала эти фотографии с детства, но обычно смотрела на них быстро: вот бабушка молодая, вот дедушка серьёзный, вот родственники, которых она путала.

Сегодня лица почему-то не хотели быть фоном.

— Это ты? — спросила она, хотя знала ответ.

— Я. Двадцать лет.

— Красивая.

— Была ничего.

— Ба.

— Что «ба»? Я же не сказала, что была страшная. Ничего была.

Ника улыбнулась и перелистнула страницу. На одном фото бабушка стояла рядом с девушкой в светлой кофточке. Та держала лист бумаги и смотрела не в объектив, а чуть в сторону, как будто там происходило что-то интереснее фотографа.

— А это кто?

Палец Нины Петровны остановился у края снимка.

— Знакомая.

— Как её звали?

— Нина.

— Как тебя?

— Тогда Нин много было. Страна держалась на Нинах, Валях и Людах.

— Серьёзно, кто она?

Бабушка закрыла пальцами угол фотографии.

— Работала при Доме культуры. Живая была.

Ника насторожилась. Слово «была» повисло между ними

и не захотело уходить.

— Она умерла?

— Все когда-нибудь умирают.

— Ба, это ответ уровня «вода мокрая».

— Хороший ответ. Проверенный.

Ника хотела пошутить, но бабушкины пальцы всё ещё закрывали угол снимка. Ника не стала тянуть альбом к себе. Впервые за день она почувствовала, что любое резкое движение будет грубостью.

Они листали дальше. Про каждого можно было спросить десять раз, но Нина Петровна давала столько, сколько считала нужным.

— А это где?

— Дом культуры.

— При заводе?

— Да.

— Каком?

— Обычном. У нас всё было обычное, пока не начинали писать отчёты.

Ника усмехнулась.

— Вот это хорошая фраза. Можно я...

— Нельзя.

— Я даже не договорила.

— Я поняла.

Она перевернула страницу, и Ника увидела пустое место. Уголки остались. Под ними пожелтела бумага. Внизу стояла подпись выцветшими чернилами: «Москва. Дом культуры. 1974».

Ника потянулась ближе.

— А где фото?

Бабушка молча смотрела на пустое место.

— Ба?

— Потерялось.

— Оно не потерялось. Его вынули.

— Значит, вынули.

— Кто?

— Давно было.

Ника почувствовала, как внутри оживает профессиональное чутьё. Вот он, крючок. Пустое место всегда сильнее полной фотографии. Вырезанное говорит громче, чем оставленное. И тут же ей стало стыдно, будто она при бабушке открыла чужой шкаф.

— Прости, — сказала Ника тише. — Я не для канала. Правда.

Нина Петровна провела ладонью по странице. На костяшках пальцев кожа была светлая, с мелкими складками.

— Ты говоришь «правда» так, будто этим всё открывается.

— А разве нет?

— Иногда открывает. Иногда дверь по лбу даёт.

Ника опустила глаза. На краю фотографии стоял мужчина с папкой. Лицо спокойное, почти приветливое, но Нике он почему-то сразу не понравился.

— Это кто?

— Пётр Сергеевич.

— Родственник?

— Нет. По работе.

— Он плохой был?

Бабушка закрыла альбом.

— Он был удобный для своего времени.

— Это как?

— Так, что рядом с ним людям становилось неудобно.

Ника очень захотела записать фразу в заметки. Рука дёрнулась к телефону, но она удержалась. Бабушка заметила. Конечно, заметила.

— Тяжело тебе? — спросила Нина Петровна.

— Что?

— Не записывать.

— Нормально.

— Врёшь плохо. В детстве лучше врала. Про разбитую вазу я почти поверила.

— Я тогда сказала, что она сама устала стоять.

— Вот. Образ был. А сейчас всё торопишься.

Ника откинулась на спинку стула. Её раздражение сдулось, оставив усталость. Она приехала спорить, а сидела над

старым альбомом и не понимала, почему пустой прямоугольник на бумаге так цепляет.

— Ба, а та Нина... которая работала при Доме культуры. Она с этим снимком связана?

Бабушка не ответила сразу. Она взяла чашку, хотя чай давно остыл.

— Ты очень похожа на неё, когда споришь.

— На Нину?

— Упрямая была. Язык быстрый. Глаза умные, а поступки не всегда.

— Прекрасная характеристика, спасибо.

— Я не про тебя.

— Да конечно.

Бабушка всё-таки улыбнулась, но убрала улыбку, будто лишнее выдала.

— Она тоже думала, что если сказать правильно, всё станет честнее.

— И что?

Нина Петровна поднялась.

— Чайник поставлю.

— Ба.

— Чайник, Ника. В этом доме тяжёлые разговоры без чая не ведутся.

Пока бабушка шумела на кухне, Ника снова открыла альбом. Теперь осторожно. Пустое место на странице притягивало взгляд. Рядом, между страницами, торчал край другой

фотографии.

Ника не стала бы трогать, если бы край не начал выпадать сам. Она попыталась поправить страницу, но снимок выскользнул и упал ей на колени.

— Ника? — позвала бабушка из кухни.

— Сейчас.

Снимок был маленький, чёрно-белый, с залом Дома культуры. На сцене стоял стол с цветами и микрофоном. Внизу сидели люди, повернув головы к девушке у стенгазеты. Или бабушка. Или обе сразу, потому что молодые лица в старых альбомах иногда спорили с памятью лучше живых.

На обороте была надпись. Чернила поблекли, но слова читались ясно.

«Не всё, что дёшево, даётся легко».

Ника сидела с фотографией на коленях и не поняла, что бабушка остановилась в дверях. Чайник на кухне начинал шуметь, альбом лежал раскрытый на пустом месте, а старая фраза смотрела на Нику так спокойно, будто ждала её с самого утра.

Глава 3. Фотография с обратной стороны

Бабушка не стала отнимать фотографию сразу. Лицо у Нины Петровны было спокойное, но Ника знала: у бабушки это не всегда означало спокойствие.

— Я не лезла, — сказала Ника. — Он сам выпал.

— Фотографии сами не выпадают.

— Эта, видимо, устала лежать.

Бабушка вздохнула. Чайник на кухне щёлкнул, выключился, и квартира на секунду стала такой тихой, что Ника услышала, как в подъезде хлопнула дверь.

— Отдай, — сказала Нина Петровна.

Ника протянула снимок, но не отпустила сразу.

— Ба, можно я хотя бы спрошу? Кто написал сзади?

— Рука была не моя.

— А чья?

— У человека рука. Больше тебе пока знать не надо.

— Почему «пока»?

Бабушка забрала фотографию и аккуратно положила её на альбом. Потом села рядом, но альбом не закрыла: были видны подпись «Дом культуры. 1974» и край старого клея, который пожелтел сильнее бумаги.

— Потому что ты не слушаешь, — сказала бабушка. —

Ты хватаешь.

— Я приехала именно слушать.

— Слушать — это когда человек молчит и даёт другому договорить.

— Я сейчас молчу.

— Сейчас ты собираешь вопрос.

Ника обиделась и почти рассмеялась одновременно. Бабушка попадала в неё без усилий, как будто у неё был доступ к закрытой статистике внучки: где провал, где удержание, где человек делает вид, что не нервничает.

— Тогда скажи сама, — попросила Ника. — Что случилось в семьдесят четвёртом?

Нина Петровна провела пальцем по краю фотографии.

— Обычное случилось. Вечер в Доме культуры. Стенгазета. Снимки. Молодые люди, которым казалось, что если они весёлые и смелые, то им всё сойдёт с рук.

— Это про тебя?

— Это про многих.

— Про ту Нину?

Бабушка повернула к ней лицо. Взгляд был не злой, но Ника поняла, что ещё один прямой вопрос закроет всё.

— Нина была хорошая, — сказала Нина Петровна. — И очень неосторожная.

— А я на неё похожа?

— Я тебе сказала.

— Поступки не всегда умные?

— Я мягче сказала.

Ника опустила глаза. На столе стояла коробка с облезлой крышкой и нарисованной ромашкой. Бабушка заметила её взгляд и сама подвинула коробку ближе.

— Раз уж пришла за прошлым, смотри. Только не делай из этого музей.

Внутри были пуговицы, значок с потёртым гербом, пара трамвайных билетиков и несколько монет. Ника взяла одну, маленькую, серую, с цифрой 5. Монета легла в ладонь почти невесомо, но пальцы почему-то сжались.

— Пять копеек, — сказала она.

— Для метро.

— Настоящие?

— Нет, нарисованные. Конечно, настоящие.

— Ба.

— Ника.

Она улыбнулась краем губ. Ника поднесла монету ближе к лампе. Пятак выглядел так буднично, что даже обидно. Здесь монета лежала среди пуговиц, будто простой ключ, которым давно никто не пользовался.

— Можно взять? — спросила Ника.

Бабушка не ответила сразу. Потом взяла фотографию, вложила её в старый конверт без марки и положила туда же пятак.

— Возьми. Но снимок не выкладывай.

— Я не буду.

— И монету не потеряй.

— Ба, я не ребёнок.

— Поэтому и страшнее. Ребёнок хотя бы не делает вид, что всё понимает.

Ника хотела ответить, но удержалась. Она убрала конверт в сумку, и ей стало неловко, как будто она уносила из квартиры не фото, а кусок бабушкиного молчания.

Домой она ехала поздно. В метро было тесно, но уже не по-утреннему злое. Ника стояла у двери и чувствовала в сумке конверт. Он не мог весить больше пары граммов, но плечо тянуло сильнее, чем от продуктов.

Рита прислала сообщение: «Ты пропала. Всё нормально?»

Ника набрала: «Была у бабушки. Есть материал». Потом стёрла. Слово «материал» стало неприятным, как крошка на зубах.

Она написала: «Пока думаю».

Рита ответила: «Думай быстрее. Завтра надо продолжение».

В квартире Ники было темно и душно. Кофемашина опять мигала жёлтым. Всё выглядело так, будто современность без Ники справлялась плохо, но уверенно.

Она достала конверт, положила на стол и не открыла. Потом всё равно вернулась к конверту.

Фотография показалась ещё меньше, чем у бабушки. В руках снимок был упрямым. Он не хотел становиться удобным.

Ника положила рядом пятак и открыла приложение для монтажа. Рита была права: тема пошла. Она набросала заголовков: «Квартиры давали? Что осталось за кадром дешёвой Москвы». Потом добавила: «Семейный альбом отвечает подписчикам». Сразу стёрла вторую фразу. Слишком близко к обещанию, которое она дала бабушке.

Она включила камеру без записи и посмотрела на себя. Волосы после дороги выбились из хвоста, под глазами легли тени. Для разговора с собой не помогало ничего.

— Что мы имеем? — сказала Ника пустой комнате. — Мы имеем ролик, который зашёл. Бабушку, которая считает, что я не знаю, о чём говорю. Фотографию, которую вырезали. Пятак. И желание не быть человеком, который делает из чужой боли обложку.

Она замолчала, потому что фраза вышла правильной. Такие фразы хорошо звучали в финале выпуска, но дома от них становилось немного стыдно.

Телефон пискнул. На экране всплыл комментарий: «Они любят молчать, а потом мы ничего не знаем».

Ника прочитала два раза. Под комментарием спорили. Ника представила бабушкину кухню, розетку с вареньем, альбом и пальцы, закрывающие угол снимка.

Она открыла запись.

— Сегодня будет продолжение про дешёвую Москву. Только начну не с цифр. Когда мы говорим «квартиры давали», мы часто забываем спросить: кому, когда и какой ценой.

Очередь — это тоже цена. Чужое мнение — тоже цена. Хорошая характеристика — тоже цена.

Она остановилась. Слишком гладко. Слишком лекционно.

Записала снова.

— Вчера мне написали: «Раньше людям было проще, потому что квартиры давали». И знаете, я сама так говорила. Очень удобно: сказал «давали» — и будто человек стоял под окном, а ему сверху ключи бросили. Лови, товарищ, не ушиби будущее.

Она улыбнулась. Вот это лучше. Живее.

— Но сегодня я была у бабушки. У неё в альбоме есть пустое место. Там была фотография из семьдесят четвёртого года. Её вынули. И я не знаю почему.

Ника остановила запись и замерла. Она только что почти нарушила обещание. Формально снимок она не показала. Имён не назвала. Но бабушка не это имела в виду. Бабушка говорила не про формат, а про право.

— Отлично, — сказала Ника телефону. — Мы нашли новую моральную яму. Спасибо за участие.

Она удалила дубль. Потом восстановила из корзины. Потом снова удалила, окончательно. Монтажная программа спросила, уверена ли она. Ника нажала «да» с таким чувством, будто программа подозревала её в слабости.

За окном прошёл дождь. По стеклу поползли огни двора. В домовом чате появилась жалоба на запах краски в подъез-

де. Бабушкина фраза про соседей и телефонные разговоры сидела в голове занозой.

Она открыла новый проект. Только публичная тема: дешёвые цены, скрытые барьеры, мифы. Рита была бы довольна. Бабушка, может быть, меньше.

— Дешёвое не значит доступное, — сказала Ника в камеру. — Это главная мысль, которую нам надо перестать путать. Пять копеек за метро не дают свободу, если ты не можешь быстро позвонить. Низкая квартплата не спасает, если ты живёшь в комнате, где за стеной слышат, как ты плачешь. Дешёвый хлеб не отменяет очередь, а очередь — это не романтика, это час жизни, который ты никому не вернёшь.

Она записала ещё три дубля. В последнем голос стал увереннее, жесты точнее. Ролик складывался. Ника вставила поверх кадры современной Москвы: турникет, чек из магазина, квитанция за аренду, очередь в ПВЗ. «Не всё, что дешёво, даётся легко» — это было сильной фразой, чтобы не использовать.

Слишком чужой фразой.

Она положила снимок рядом с клавиатурой и сказала:

— Я не буду тебя показывать. Только текст. Текст же можно?

Фотография молчала. Пятак рядом тускло блеснул под лампой. Ника рассмеялась собственной глупости.

— Всё, Лазарева. Ты разговариваешь с монетой. Следующий этап — получать советы от чайника.

Она сделала заставку без фотографии. Потом в предпросмотре приложение всё равно показало старый снимок.

Ника нахмурилась. В монтажной дорожке фотографии не было. На первом кадре стояла она сама у окна с гранёным стаканом. На стене висела радиоточка. Изображение дрожало, словно его снимали не камерой, а памятью.

— Очень смешно, — сказала Ника.

Она закрыла проект, открыла снова. Чёрно-белая кухня осталась. Женщина повернула голову, но лицо распалось на полосы, будто видео не успело догнать движение.

Из телефона послышался треск. Потом тихий голос произнёс:

— Говорит Москва...

Ника выронила телефон на стол. Экран мигнул, кухня исчезла. Вместо неё открылся обычный проект с её лицом, гранёным стаканом и неподходящей уверенностью.

Сердце стучало быстро и неловко. Ничего лишнего. В истории проекта не было чёрно-белого фрагмента. В галерее — тоже.

— Переработала, — сказала она. — Всё просто. Переработала, не ела, кофе плохой, бабушка давит авторитетом.

Она пошла на кухню, открыла холодильник и уставилась на полку. Йогурт, сыр, контейнер с гречкой, яблоко. Еда была, но есть не хотелось. Хотелось, чтобы телефон вёл себя прилично и не устраивал реконструкцию советского быта без согласования.

Ника вернулась к столу и снова запустила просмотр. Потом изображение дёрнулось. На месте современной кухни появилась старая. На столе стояла чашка с тёмным ободком, рядом лежала газета. Женщина за кадром сказала:

— Нина, ты опять опоздаешь.

Голос был не бабушкин. Моложе, резче. Кадр застыл. Радиоточка на стене была похожа на маленькую коробку с чужим терпением.

— Какая Нина? — прошептала Ника.

Экран погас. Только за её плечом на долю секунды словно проступил другой стол, с клеёнкой и алюминиевой ложкой. Ника обернулась. За спиной была стена, полка и коробка с зарядками, в которой вечно пропадали нужные провода.

Она набрала бабушке. Долгие гудки шли один за другим. Нина Петровна не отвечала. Ника сбросила и написала: «Ба, ты не спишь?»

Сообщение осталось непрочитанным.

Рита позвонила почти после этого. Ника вздрогнула так, будто телефон укусил её за ладонь.

— Ты жива? — спросила Рита. — Я вижу, что ты онлайн и не отвечаешь. Это новый уровень пассивной агрессии?

— Я монтирую.

— Прекрасно. Кидай черновик.

— Нет.

— В смысле нет?

— Он ещё сырой.

— Сырой — это когда человек говорит «здравствуйте, дорогие друзья» и поправляет волосы. У тебя обычно сырой лучше, чем у людей готовый. Кидай.

Ника посмотрела на фотографию.

— Не могу.

Рита помолчала. Это было редкое явление, почти погодная аномалия.

— Ты из-за бабушки?

— Частично.

— Ника, аккуратно можно. Семейная история — это нормально. Люди такое любят, потому что у всех есть альбомы, в которых дырки. Главное — не уходи в трагедию. Нам нужна серия, а не поминки по молодости.

— Вот именно.

— Что именно?

— У людей дырки в альбомах, а мы называем это заходом.

— Мы называем это темой. Ты сама меня этому учила.

Ника устала. Сильно. Спорить с Ритой было всё равно что спорить с собственным вчерашним голосом.

— Я сегодня ничего не пришлю.

— Тогда завтра утром.

— Посмотрим.

— Ника, у нас интеграция.

— Я помню.

— Память — это хорошо. Деньги — тоже.

Вызов закончился. Ника положила телефон экраном вниз.

Через секунду перевернула обратно. Телефон лежал спокойно, без кухни, без радиоточки, без Нины.

Она решила убрать всё с глаз. Пятак почему-то остался на столе. Ника посмотрела на него, потом взяла и зажала в ладони. Монета была тёплой, хотя лежала под лампой всего ничего.

Ночь продвигалась медленно. Ника пыталась читать комментарии, но буквы расползались. В одном споре женщина написала: «Моя мама говорила: дешёвое не значит твоё». Ника поставила лайк, сняла его и снова поставила. Пусть будет.

Она открыла галерею и проверила последние видео. Ника у окна. Ника с чашкой. Ника говорит про квартиры. Ника делает паузу, где обычно вырезает вдох. Ника улыбается так, чтобы люди не заметили, что ей тревожно.

Старой кухни не было.

— Значит, всё в голове, — сказала она. — Голова, поздравляю, ты теперь продакшен.

Она легла ближе к двум. Конверт с фотографией она всё-таки достала из сумки и сунула под книгу у кровати. Пятак остался в ладони. Она несколько раз пыталась положить его на тумбочку, но пальцы снова сжимались.

Заснуть сразу не вышло. Из двора доносился гул машины, сверху прошёл сосед, в телефоне иногда вспыхивал экран. Ника отключила звук, потом режим сети, потом вообще выключила телефон.

Комната стала темнее. Не спокойнее.

Сначала ей показалось, что за стеной включили радио. Звук был слабый, с потрескиванием, словно шёл из глубины стены.

— ...пять копеек...

Ника открыла глаза.

В комнате было темно. Телефон лежал рядом выключенный. Но экран засветился сам. На нём не было ни логотипа, ни заставки. Радиоточка говорила всё громче, но слова распадались, как плохая связь.

— ...доехать можно... вернуться труднее...

Ника села. Пятак в ладони стал холодным.

— Кто говорит? — спросила она и сама испугалась своего голоса.

Экран мигнул. Потом буквы поплыли, перестроились и на секунду сложились в другую фразу: «Пять копеек до будущего».

Ника потянулась к выключателю, но пальцы не нашли стену. Где-то рядом скрипнула кровать. Далеко или совсем близко заговорили женские голоса.

— Нина, вставай. Ты опять всё проспишь.

Ника хотела ответить, что она не Нина, что это сон, что завтра нужно отдать ролик, что у неё аренда, Рита, банк и нормальная жизнь, в которой радиоточки не разговаривают с выключенными телефонами. Но слова не вышли.

Она открыла глаза по-настоящему.

Над ней был белёный потолок с трещиной у лампы. Под спиной — жёсткая железная кровать. На стуле у стены висело чужое платье, а за перегородкой спорили женщины, звенела посуда и пахло кипячёным молоком.

Глава 4. Утро в 1974-м

Сначала Ника подумала, что проснулась у бабушки. Потом под спиной заскрипнула железная кровать, и мысль о бабушкиной квартире развалилась.

У бабушки не было такой кровати. А здесь матрас упирался в лопатки, простыня пахла хозяйственным мылом, и на стуле у стены висело платье, которое Ника не покупала, не заказывала и даже не рассматривала в приступе плохого вкуса.

За перегородкой звенела посуда. Откуда-то сверху тянуло варёной кашей. Потом в коридоре щёлкнула защёлка, и Ника окончательно проснулась.

— Так, — сказала она. — Спокойно. Это сон.

Голос прозвучал чужовато. Не потому что изменился, а потому что комната ответила ему живо: скрипнула кровать, дрогнуло стекло в раме, за стеной кто-то замолчал на секунду и тут же снова заговорил тише.

Ника села. Она осторожно потрогала ткань, потом себя за плечо. Всё ощущалось настоящим. Слишком настоящим для сна, который обязан был рассыпаться от первого же осмысленного ужаса.

— Хорошо, — сказала Ника. — Плотный сон. Мозг, ты молодец, но перебор.

Она потянулась к тумбочке за телефоном. Тумбочки не

было. Будильник показывал без десяти восемь и выглядел так, будто мог разбудить не человека, а весь район.

Телефона нигде не было.

Ника спустила ноги на пол. Пол оказался холодным. Тапочки были чужие, мягко стоптанные, с вышитой розочкой. Ника посмотрела на них с таким чувством, будто розочка знала о ней что-то лишнее.

— Телефон, — тихо сказала она. — Где телефон?

Она начала искать. Под подушкой лежал носовой платок. В сумке у стула были бумажные рубли, расчёска, ключ на верёвочке, записная книжка и маленькая монета пять копеек.

Пятак Ника узнала сразу.

Он лежал на дне сумки, будто всё время ждал, когда она до него доберётся. Ника взяла монету двумя пальцами. Эта монета лежала здесь, в чужой комнате, и тоже была настоящей.

Ника бросила её обратно в сумку и почти испугалась звука. Монета ударилась о ключи с коротким звоном.

— Нет, — сказала она. — Нет-нет, так не работает. Сон не должен быть таким точным.

Она подошла к окну. За стеклом был двор, но не её двор. Машин почти не было. Возле дерева стоял автобусный остановочный знак, старый, круглый. Воздух за окном казался утренним по-настоящему: серым, прохладным, с запахом мокрого асфальта и дыма, который не мог взяться из её 2026 года.

Ника резко задвинула занавеску.

— Я сплю. Мне надо проснуться.

Она ущипнула себя за руку. Больно. Слишком убедительно.

Потом проверила стол, шкаф, карманы платья. На гвоздике у двери висела авоська. Рядом — пальто, которое Ника видела только в старых фильмах и в бабушкиных альбомах. На спинке стула лежала юбка, блузка и свитер. Всё было аккуратно приготовлено, будто комната не сомневалась, что хозяйка встанет, оденется и пойдёт жить дальше.

Ника не собиралась жить дальше в чужой юбке.

Она схватила записную книжку. На первой странице было написано: «Нина Ковалёва». Почерк уверенный, с нажимом. Ниже — адрес, телефон Дома культуры и несколько коротких заметок: «ватман», «клей», «З. П. до 10», «Саша — фото».

У Ники похолодели пальцы.

— Нина, — повторила она. — Конечно. Просто великолепно.

В дверь постучали. Не робко, а по-хозяйски, костяшками пальцев.

— Нина! Ты встала?

Ника замерла. За дверью ждала женщина. Не бабушка.

— Секунду! — крикнула Ника и поморщилась. Голос прозвучал бодро для человека, который только что проснулся в чужом году.

— Какую секунду? Тебе в Дом культуры к девяти. Зинаида Павловна тебе голову снимет, а мне потом слушай.

Ника подошла к двери, но не открыла.

— Вы кто?

За дверью стало тихо. Потом голос сказал медленнее:

— Нина, ты что, ударилась?

— Нет. То есть... возможно. У меня странное утро.

— У всех странное утро. У меня Витька кашу на пол вылил, муж носки ищет, а ты спрашиваешь, кто я. Открывай.

Ника открыла на цепочку, потом вспомнила, что цепочки нет. Дверь распахнулась сразу. В одной руке она держала кружку, в другой — детскую рубашку.

Женщина оглядела Нику с головы до ног.

— Ты почему ещё в сорочке?

— Я... проснулась не там.

— Где не там?

— Вообще не там.

Женщина вошла без приглашения, отодвинула стул и положила рубашку на спинку.

— Лида, — сказала Ника, вспомнив имя из бабушкиных альбомов. — Вы Лида?

Лида прищурилась.

— Нина, если ты сейчас шутишь, то очень плохо. Я Лида третий год, могла бы привыкнуть.

— Да, конечно. Я проверила.

— Что проверила?

— Память.

— Память проверяют у врача, а не у соседки с мокрой детской рубашкой. Одевайся. Ты вчера обещала Зинаиде Павловне принести текст и фотографии.

— Какие фотографии?

Лида поставила кружку на стол и посмотрела внимательно. В её лице раздражение не ушло, но в нём появилось беспокойство.

— Ты правда не помнишь?

Ника села на край кровати. Железная рама тихо скрипнула, будто вступила в разговор.

— Я помню другое.

— Что другое?

— У меня была квартира. Телефон. Работа. Банк. Аренда.

— Банк у тебя есть. Сберкасса через две остановки.

Ника нервно рассмеялась.

— Нет, не такой банк.

— Значит, не рассказывай. Времени нет. У тебя опять эти нервы перед стенгазетой?

— Перед чем?

Лида выдохнула через нос.

— Перед стенгазетой, Нина. Перед Домом культуры. Перед тем, что ты вчера бегала с Сашкой и снимки выбирала. Ты мне сама вечером говорила: «Лида, завтра будет живо». Я ещё сказала: живо — это хорошо, только бы начальство не умерло от твоей живости.

Ника закрыла лицо ладонями. Ладони были её, но комната, платье, имя, Лида, стенгазета и Дом культуры складывались в крепкую конструкцию.

— Мне надо позвонить, — сказала она.

— Кому?

— Бабушке.

Лида моргнула.

— Какой бабушке?

— Нине Петровне.

— Ты сама Нина.

— Это отдельная проблема.

Лида смотрела на неё без прежней злости. Потом подошла ближе и потрогала Нике лоб.

— Жара нет.

— Да не в жаре дело.

— Может, давление? Ты вчера почти не ела. Я видела, как ты с кухни ушла с одним хлебом. Нельзя так, Нина. Умная, а живёшь через раз.

Ника убрала её руку.

— Лида, мне нужен телефон. Срочно.

— Домашний?

— Любой.

— Домашний у Клавдии Петровны, но она с утра никого не пустит, у неё зять звонил из Тулы. Таксофон во дворе. Только две копейки нужны. У тебя есть?

— Мне не две копейки нужны. Мне надо набрать мобиль-

ный.

Лида посмотрела на неё как на больную.

— Какой мобильный?

— Переносной. Маленький. С экраном.

— Тебе точно лучше присесть.

— Я сижу.

— Тогда сиди быстрее и одевайся.

Ника поднялась и подошла к зеркалу на дверце шкафа. Зеркало было мутное, с пятнами по краям. Оттуда смотрела она — почти она. Ника провела пальцами по щеке.

— Я похожа на себя, — сказала она.

— Поздравляю. Бывает.

— Нет, ты не понимаешь.

— Я понимаю, что ты опаздываешь, а Зинаида Павловна не любит, когда её заставляют ждать. Особенно после прошлого раза.

Ника повернулась.

— Какого прошлого раза?

Лида прикусила губу. Видно было, что она пожалела о словах.

— Потом.

— Нет, сейчас.

— Сейчас ты наденешь юбку, умоешься и пойдёшь на работу. А потом будешь задавать свои странные вопросы. Только не на кухне.

— Почему не на кухне?

Лида усмехнулась.

— Потому что кухня у нас лучше радио. Там скажешь «голова болит», а через час весь дом знает, что тебя бросил жених, выгнали с работы и ты уходишь в монастырь. Хотя монастырь, может, ещё не скажут. Не модно.

Ника невольно улыбнулась. В этом абсурде наконец появилась человеческая опора: Лида была живая, быстрая и явно привыкшая тащить на себе больше, чем помещалось в одну утреннюю кружку.

— Я правда ничего не понимаю, — сказала Ника тише.

Лида посмотрела на неё мягче, но без лишней жалости.

— Понимать будем вечером. Сейчас главное — чтобы тебя не вызывали к Малинину.

Имя ударило по памяти. Пётр Сергеевич. Мужчина с папкой на фотографии. «Удобный для своего времени», сказала бабушка.

— Малинин здесь? — спросила Ника.

— А куда он делся? Был вчера, будет сегодня, завтра, наверное, тоже найдётся. Такие люди не пропадают, они размножаются в кабинетах.

— Он кто?

— Секретарь комсомольской организации. И человек, который очень любит порядок, особенно чужими руками. Ника, ты меня пугаешь.

— Я сама себя пугаю.

Лида взяла со стула юбку и сунула Нике в руки.

— Пугайся одетая.

Одевание стало отдельным испытанием. Юбка застёгивалась не там, где Ника ожидала. Блузка требовала терпения. Лида помогла застегнуть пуговицу на рукаве и не удержалась:

— Ты точно вчера не отмечала что-то без меня?

— Если бы я отмечала, я бы помнила.

— Это ты оптимистка.

Ника открыла сумку Нины ещё раз. Бумажные рубли, мелочь, записная книжка, ключ. Она перелистнула страницы. Там были фамилии, номера телефонов без всяких имён контактов, адрес Дома культуры, пометка «стенд у входа» и фраза: «Не писать про Л. без согласия». Ника задержалась на этой строке.

— Это про тебя? — спросила она.

Лида выхватила взглядом запись и быстро закрыла книжку.

— Это про то, что чужие дела лучше не выносить на стену.

— Я написала?

— Ты. И правильно написала. Значит, не всё потеряла.

Ника сунула книжку в сумку. Ей хотелось спросить ещё, но Лида потянула её к двери.

В коридоре пахло обувным кремом, мокрой тряпкой и чем-то жареным. У кухни стояла Анна Семёновна. Её взгляд прошёлся по Нике, по Лиде, по сумке, по плохо застёгнутому воротнику.

— Ниночка, что-то вы сегодня поздно.

Ника замерла.

— Доброе утро, — сказала она осторожно.

Женщина подняла брови.

— Утро-то доброе, а дисциплина хромает. Молодым всё бы фотографии да вечера.

Лида улыбнулась так, как улыбаются людям, от которых никуда не деться.

— Анна Семёновна, мы бежим.

— Бегите, бегите. Только на кухне свою кружку не забудьте. А то опять скажете, что чужие берут.

Лида потянула Нику за рукав.

— Не отвечай.

— Я и не собиралась.

— У тебя лицо собиралось.

Они вышли к общей кухне. Женщина у раковины мыла кружку и слушала их так внимательно, что вода текла больше для вида. На стене висел график, исписанный фамилиями. Возле окна стояла табуретка с ведром.

Ника почувствовала, как внутри поднимается паника. Здесь нельзя было выйти из кадра. Здесь люди смотрели, слышали, запоминали.

— Где ванная? — прошептала она.

— Потом. Умойся на кухне. Быстрее.

— На кухне?

— А где? В Большом театре?

Ника подошла к раковине. Женщина уступила место, но не ушла. Ника открыла кран. Она умылась холодной водой, стараясь не думать, что за спиной стоят люди и оценивают, насколько правильно она умывается в чужом году.

— Нина, ты сегодня бледная, — сказала женщина у окна.

— Не выспалась, — быстро ответила Лида.

— Много думает, — добавила Анна Семёновна из коридора. — От мыслей тоже вред бывает.

— Я заметила, — пробормотала Ника.

Лида ткнула её локтем.

— Что?

— Говорю, спасибо за заботу.

— Вот и хорошо.

В комнате Ника схватила сумку и вспомнила главное.

— Паспорт. Мне нужен паспорт.

— Зачем тебе паспорт в Дом культуры?

— Чтобы понять, кто я.

Лида закрыла глаза на секунду.

— Ты Нина Ковалёва. Двадцать три года. Работаешь при Доме культуры, пишешь тексты, споришь с начальством, иногда помогаешь в многотиражке, иногда доводишь людей до белого каления. Паспорт вечером посмотришь, если очень соскучилась по себе.

— Двадцать три?

— А сколько тебе надо?

Ника чуть не сказала «тридцать один», но вовремя оста-

новилась. Лида бы точно потащила её не на работу, а к врачу.

— Нормально, — сказала она. — Просто уточнила.

— Уточняй по дороге.

Они вышли из комнаты. Лида двигалась быстро и привычно: за утро она успевала собрать себя, ребёнка и весь дом.

На лестнице Ника снова попыталась поймать логику происходящего. Сон должен был иметь края. Но подъезд пах сырым бетоном, под ногами были стёртые ступени, а соседский мальчишка пронёсся вниз с портфелем и чуть не сбил её плечом.

— Осторожно! — крикнула Лида.

— Извините, тётя Нина! — мальчишка оглянулся и исчез за поворотом.

Ника остановилась.

— Он назвал меня тётей.

— Ему девять. Для него все старше пятнадцати — тётя. Не горюй.

— Мне двадцать три.

— Вот именно. Почти древность.

Ника рассмеялась. Лида посмотрела на неё искоса, но не осудила.

На улице было прохладно. Ника машинально потянулась к карману за телефоном, чтобы снять короткое видео. Карман был пуст.

И тут её накрыло по-настоящему.

Не дома, не в комнате, не возле чужой кухни. Именно

здесь, во дворе. Она поняла, что не может никому написать. Не может открыть карту. Не может даже доказать самой себе, что существует где-то ещё, кроме этого двора, этой юбки и этой сумки с пятаком.

Она остановилась так резко, что Лида прошла пару шагов и вернулась.

— Что опять?

— Меня нет, — сказала Ника.

Лида нахмурилась.

— Ты стоишь передо мной.

— Нет, я не об этом. У меня нет телефона.

— Нина, у половины дома нет телефона.

— Личного.

— Личного телефона ни у кого нет. Не выдумывай буржуазию с утра.

Ника хотела объяснить, что дело не в буржуазии, а в точке доступа к собственной жизни. Но слова застряли. Сказать Лиде «без телефона меня как будто нет» значило получить ещё один взгляд, после которого её точно отправят к врачу.

Лида взяла её за локоть.

— Слушай меня. Сейчас идём до остановки. Доедем до метро или до Дома культуры, как повезёт с автобусом. По дороге ты молчишь, если не уверена, что скажешь что-то обычное. В Доме культуры здороваешься с Зинаидой Павловной, отдаёшь ей то, что у тебя есть, и не споришь первые пять минут.

— А потом можно?

— Потом посмотришь по обстановке. Но лучше тоже не надо.

— Ты всегда такая строгая?

— Я всегда такая живая к восьми утра. Это разные вещи.

Они пошли через двор. На дне сумки перекатывался пяттак. Маленький звук шёл в такт шагам и раздражал сильнее будильника.

У остановки стояли люди. Никто не выглядел музейно. Никто не собирался объяснять ей эпоху. Все ждали автобус, потому что им надо было ехать.

Ника смотрела на людей у остановки: им надо было ехать. Город работал, шумел, опаздывал, ругался, пах молоком и мокрым асфальтом.

Лида поправила на плече сумку и сказала тише:

— Нина, я не знаю, что у тебя сегодня с головой. Но если ты опять сорвёшь рабочий день, в Доме культуры будут неприятности. И не только у тебя.

Глава 5. Кухня, где Москва не кажется большой

Автобус показался из-за поворота, когда Ника почти поверила, что остановка — это такая форма общественного терпения. Лида тоже шагнула к краю тротуара, но остановилась и резко посмотрела на Никину сумку.

— Папка где?

— Какая папка? — спросила Ника и поняла, что ответ неправильный.

— С текстом. С фотографиями. С тем, из-за чего ты вчера носилась как пожарная команда без воды.

Ника открыла сумку. Папки не было. Автобус подъехал, двери сложились гармошкой, люди начали заходить. Лида смотрела на Нику так, будто та только что уронила не папку, а весь рабочий день с пятого этажа.

— Я не знала, что её надо взять.

— Ты её вчера сама к двери поставила.

— Я вчера была не совсем я.

— Это я заметила.

Лида махнула рукой автобусу, словно отпускала корабль в чужую жизнь. Двери закрылись, автобус тяжело тронулся, а Ника осталась на остановке с чувством человека, который провалил задание, даже не зная правил игры.

— Назад, — сказала Лида.

— Мы опоздаем.

— Мы опоздали. Теперь надо хотя бы прийти с папкой, а не с твоими глазами, как у артистки перед обмороком.

Они быстрым шагом пошли через двор обратно. Этот звук начинал её злить. Вчера пять копеек были красивым символом. Сегодня монета вела себя как маленький начальник: напоминала, что здесь даже мелочь имеет расписание.

У подъезда Лида перехватила у неё ключ и открыла дверь сама.

— Сейчас поднимаемся, берёшь папку, умываешь лицо нормально, если успеешь, и бегом вниз.

— Я умывалась.

— Ты водой лицо напугала. Это не считается.

В подъезде пахло капустой и мокрой краской. На втором этаже скрипнула дверь, и Анна Семёновна выглянула, будто ждала их возвращения заранее.

— Ой, а вы обратно? — спросила она с таким удовольствием, что Ника впервые поняла: в этом доме вопрос мог быть формой развлечения.

— Папку забыли, — ответила Лида.

— Нина забыла? Странно. Она у нас обычно забывает только чужие предупреждения.

Лида ускорила шаг.

— Не отвечай, — бросила она Нике.

— Я учусь.

— Учись молча.

В комнате папка действительно стояла у двери. Ника схватила её, но Лида смотрела в сторону кухни.

— Теперь туда.

— Зачем?

— Ты с утра ничего не ела.

— Я не хочу.

— Это не вопрос желания. Ты вчера чуть не упала у стенда, сегодня разговариваешь с воздухом и ищешь переносной телефон. Я не поведу тебя к Зинаиде Павловне на пустой желудок. Она и так думает, что ты живёшь головой.

— А здесь все едят под надзором комиссии?

— Здесь все едят там, где есть плита.

Кухня встретила их жаром, запахом каши и звоном ложек. Утро в комнате казалось странным, но кухня объяснила: странность здесь не мешала быту. На крючках висели кружки, каждая со своим характером. На столе лежала мокрая тряпка, которую явно считали предметом власти.

Ника остановилась у порога. Кухня была общей не по названию, а по воздуху. Здесь нельзя было войти. Нужно было вписаться: понять, где чьё место, какая кастрюля неприкосновенна, чья очередь к плите и почему половник может стать поводом для политического кризиса местного значения.

— Чего встала? — спросила Лида. — Проходи.

— Я пытаюсь понять, где тут мой личный пузырь.

— Что?

— Ничего. Пузыря нет.

— Пузырь у тебя в голове. Садись.

За столом сидела женщина с крупными руками и повязанным платком. Женщина подняла глаза.

— Ниночка, опять к нам? А мы думали, вы людям культуру несёте.

— Мы за папкой, — сказала Лида.

— Папка сама не дошла?

— Анна Семёновна, у вас молоко сейчас убежит, — спокойно сказала Лида.

Анна Семёновна вскочила к плите. Молоко поднялось белой шапкой, она ловко сняла кастрюлю, не пролив ни капли, и тут же посмотрела на Нику.

— Вот так и жизнь. Чуть отвернёшься — убежит.

— У меня обычно приложение пищит, — сказала Ника.

На кухне стало тише. Женщина у окна перестала чистить картошку.

— Какое приложение? — спросила она.

Лида закрыла глаза.

— Нина шутит.

— Да, — быстро сказала Ника. — Приложение усилий. Внутреннее. Чувствуешь, что сейчас убежит, и действуешь.

Анна Семёновна посмотрела на неё с уважительным подозрением.

— Мудрёно вы сегодня говорите.

— Не выпалась, — вставила Лида. — Дайте ей хлеба,

пожалуйста.

— Хлеба дать можно, если человек нормально попросит,
— сказала женщина у окна. — А то у нас теперь молодёжь
вся с идеями.

Ника хотела сказать, что хлеб можно заказать за пятна-
дцать минут, но вовремя прикусила язык. Она села на край
табуретки. Табуретка качнулась, и Ника вцепилась в стол.
Чашки звякнули.

— Осторожно, — сказала Лида. — Это табуретка Марии
Ефимовны. Она не падает только из принципа.

— Тогда мы с ней похожи.

Лида коротко улыбнулась и поставила перед ней кусок
хлеба, намазанный маслом. Хлеб был плотный, масло легло
неровно. Ника откусила и неожиданно поняла, что голодна.
Еда была простая, но после паники во дворе и чужой комна-
ты казалась почти доказательством: если можно жевать хлеб,
значит, тело пока на её стороне.

— А что с Ниной? — спросила женщина у окна. — С утра
как не своя.

— Вы обо мне в третьем лице говорите прямо при мне?
— не удержалась Ника.

Анна Семёновна уселась обратно и пододвинула к себе
кружку.

— А как при вас говорить? Вы же здесь.

— Обычно люди ждут, пока человек уйдёт.

— Зачем? Потом пересказывать неудобно.

Лида кашлянула, но Ника рассмеялась. Смех вышел честный. Анна Семёновна тоже хмыкнула, а женщина у окна отвернулась, скрывая улыбку.

— Вот, — сказала Анна Семёновна. — Смех есть. Значит, не умирает.

— Спасибо за диагностику, — сказала Ника.

— За что?

— За заботу.

— Забота — это когда суп нальют. А я пока наблюдаю.

В кухню вбежал мальчик лет пяти, босой, с рубашкой наполовину заправленной в шорты. Он подлетел к Лиде и ткнулся ей в бок.

— Мам, Вовка мои карандаши взял.

— Вить, я сейчас не могу. Иди умойся.

— Он красный взял.

— Красный переживёт. И ты переживёшь.

— А Нина опять странная? — спросил мальчик, глядя прямо на Нику.

Лида схватила его за плечи.

— Витя.

— Что? Все говорят.

Ника поперхнулась хлебом. Вода была тёплая и пахла железом.

— Все — это кто? — спросила Лида сына.

Мальчик понял, что сказал лишнее, и заинтересовался полом.

— Ну... во дворе.

— Во дворе пусть воробьёв считают.

— Они и считают. Один дядя сказал, что Нина опять доиграется с фотографиями.

Лида замерла. Анна Семёновна стала очень занятой своей кружкой. Женщина у окна принялась чистить картошку быстрее.

Ника поставила воду на стол.

— С какими фотографиями?

— Витя, иди, — сказала Лида.

— Я же не договорил.

— Вот именно. Иди.

Мальчик ушёл, волоча ноги и демонстрируя миру несправедливость. На кухне снова зашумели ложки, но тишина уже не вернулась полностью. В её времени такие паузы заполнялись уведомлениями. Здесь пауза стояла между людьми и ждала, кто первым ошибётся.

— Лида, — тихо сказала Ника. — Что за фотографии?

— Не здесь.

— Все слышали.

— Тем более не здесь.

Анна Семёновна поставила кружку громче, чем нужно.

— А что скрывать? Девушка взрослая. Если опять по дому с фотоаппаратом бегать будет, пусть понимает. У нас люди не для выставки живут.

— Я никуда не бегала, — сказала Ника.

— Вчера бегала.

— Вчера — это отдельный вопрос.

— Очень даже общий, — сказала женщина у окна. — Вы вчера у прачечной тётю Валю снимали. Она потом полвечера переживала, что у неё халат старый.

— Я снимала тётю Валю?

Лида подалась вперёд.

— Нина, хватит.

— Я правда не помню.

Анна Семёновна сощурилась.

— Не помнит она. Удобно. Сначала щёлкнет, потом не помнит. А люди потом ходи и думай, как ты выглядел на этой вашей стене.

— Стенгазете, — поправила женщина у окна.

— Всё равно стена. Висит, все смотрят.

Ника поставила хлеб на тарелку. Но эти фразы застряли. Здесь тётя Валя не подписывала согласие и не выбирала фильтр. Её старый халат мог стать разговором на весь дом.

— Если я кого-то обидела, — сказала Ника осторожно, — надо извиниться.

Лида бросила на неё быстрый взгляд. В нём было удивление.

— Извиниться можно, — сказала Анна Семёновна. — Только лучше сначала думать, а потом объективом махать.

— Фотоаппаратом, — поправила Лида.

— Какая разница. Глаз железный. Ему всё равно, а чело-

веку потом жить.

Ника опустила взгляд на папку. Завязки были стянуты туго. Или Ника? Граница плыла, и от этого становилось хуже. В чужой жизни были поступки, за которые спрашивали с неё.

— А Саша кто? — спросила она.

Анна Семёновна оживилась.

— Началось. Сашу забыла.

— Фотограф, — быстро сказала Лида. — Из кружка. Нормальный парень. Не сейчас.

— Почему все говорят «не сейчас»? Когда будет сейчас?

— Когда ты научишься задавать вопросы не на общей кухне.

Ника замолчала. Лида права. Каждый её вопрос обрастал чужими взглядами. Ника ясно увидела: здесь информация не исчезает. Она переходит из рук в руки, меняет форму, цепляет людей, возвращается в другом виде.

В её мире комментариев можно было удалить. Здесь фразу нельзя было отозвать, если она успела дойти до соседки у плиты.

— Мне нужно умыться ещё раз, — сказала Ника.

— Иди, — сказала Лида. — Только кружку потом помой.

— Я поняла.

— Не поняла. Сделай. Здесь за кружки войны начинаются.

Ника подошла к раковине. Женщина у окна чуть подвинулась, но осталась рядом. Ника открыла кран. Вода опять

фыркнула, плеснула на рукав. Она закатала манжету, взяла мыло. Ника поймала его с третьего раза.

— У вас тут всё с характером, — пробормотала она.

— А то, — сказала Анна Семёновна. — Вещь без характера долго не проживёт.

Ника умылась, вытерлась полотенцем, которое Лида сунула ей почти в руки, и заметила на стене возле двери листок с расписанием. Фамилии, часы, пометки карандашом. Кухня работала как переговорная без секретаря, где порядок держался на устной памяти и взаимном раздражении.

— Это график плиты? — спросила Ника.

— А что, по-твоему, расписание Большого театра? — отозвалась Анна Семёновна.

— Просто удобно.

— Удобно, когда соблюдают.

— У нас бы это в чат вынесли, — сказала Ника и тут же поняла ошибку.

— Куда вынесли? — спросила женщина у окна.

Лида устало посмотрела на потолок.

— В читальный зал, — быстро сказала Ника. — Я хотела сказать, в читальный. Чтобы все видели.

Анна Семёновна недоверчиво покачала головой.

— Нина, тебе правда надо поесть. От голода язык начинает жить отдельно.

Лида взяла со стола папку и сунула Нике под локоть.

— Всё. Пойдём, пока ты не придумала ещё один читаль-

ный зал.

— Я не специально.

— Вот это и пугает.

Они почти вышли, когда в кухню вошёл пожилой мужчина в майке и спортивных штанах. Он нёс пустой бидончик и газету под мышкой.

— А, Ниночка, — сказал он. — Слышал, вы опять нас фотографировать будете?

Ника застыла у двери.

— Я пока не знаю.

— Вы меня не снимайте. У меня жена говорит, я на карточках получаюсь как человек после собрания.

— Значит, очень выразительно.

Мужчина рассмеялся.

— Я же говорил, язык у неё острый. Только, Нина, осторожнее с ним. Острый язык начальство любит меньше тупого.

Анна Семёновна тут же добавила:

— И соседи тоже.

— У меня нет цели никого задеть, — сказала Ника.

— Цель — это хорошо, — отозвалась женщина у окна. — Только попадает иногда не туда.

Фраза попала в Нику хуже упрёка. В двадцать шестом году она сама выбирала, что показывать. Здесь Нина выбирала за других, и другие это помнили.

Лида вывела её в коридор. Дверь кухни осталась приот-

крытой, и голоса тут же потянулись следом.

— С утра чудная.

— Может, перенервничала.

— Перед прошлым разом тоже нервничали.

— Да тихо вы, услышит.

Ника остановилась.

— Они даже не пытаются говорить тише.

— Пытаются, — сказала Лида. — Просто стены на их стороне.

— Как здесь вообще жить?

— По очереди. И с закрытым ртом, когда не уверен.

— Я так не умею.

— Значит, научись или быстро наживёшь себе неприятности.

Они зашли в комнату Нины. Лида закрыла дверь, но не до конца. Видимо, в этом доме полная закрытая дверь тоже была заявлением, которое могли обсудить.

— Слушай внимательно, — сказала она. — На кухне сначала слушают, потом говорят. Если не знаешь, о ком речь, молчи. Если знаешь, тоже подумай. Здесь люди живут рядом годами. Твоя фраза утром к вечеру может вернуться с чужой злостью.

— Это как комментарии, только без кнопки «удалить».

— Что?

— Ничего. Поняла.

Лида поправила на ней воротник.

— Не поняла ты ещё. Но хоть слышала.

Ника взяла папку крепче. Бумага внутри хрустнула.

— Лида, скажи честно. С этой фотографией... с прошлой историей. Я, то есть Нина, что-то испортила?

Лида посмотрела на дверь, потом на Нику. В лице у неё была усталость человека, которому некогда хранить чужие тайны, но приходится.

— Ты не первая, кто хотел показать правду красиво. Только у нас красота потом по людям ходит. Одному в характеристику, другой в очередь, третьей в разговоры на кухне.

— Это из-за Малинина?

— Не всё из-за него. Но он умеет заметить то, что потом удобно использовать.

— А та фотография?

Лида отвела глаза.

— Какая?

— Ты поняла.

— Я поняла, что тебе надо на работу.

Ника шагнула ближе.

— Лида, пожалуйста.

За дверью скрипнула половица. Лида тут же замолчала. Через секунду в коридоре послышался голос Анны Семёновны:

— Лидочка, вы соль не брали? А то у меня опять баночка ушла гулять.

Лида открыла дверь ровно настолько, чтобы закрыть со-

бой комнату.

— Не брала, Анна Семёновна. Посмотрите у Марии Ефимовны.

— У неё своя. Она мою не признаёт.

— Тогда у окна, за хлебницей.

— Ой, правда. Нашлась. А вы всё ещё не ушли?

— Уже уходим.

Дверь закрылась. Лида выдохнула.

— Видишь?

— Вижу.

— Ничего ты не видишь. Ты думаешь, кухня маленькая. А она доходит до Дома культуры быстрее автобуса.

Ника села на край кровати. Ей стало стыдно. В своём времени она умела держать внимание тысяч людей. Здесь её за полчаса разобрали на взгляды пять соседей, ребёнок и мужчина с бидоном.

— Я не знаю, как быть Ниной, — сказала она.

Лида посмотрела на неё без раздражения.

— Сегодня не делай хуже. Этого хватит.

— А если сделала?

— Тогда узнаешь, кому извиняться.

Она взяла папку со стола, сунула её Нике в руки и открыла дверь.

— Пойдём. Второй автобус мы тоже пропустим, и тогда Зинаида Павловна точно спросит, почему Дом культуры ждёт одну Нину Ковалёву, будто она министр.

Они вышли в коридор. Ника старалась идти спокойно и не смотреть туда, но у самой двери Анна Семёновна всё-таки поймала её взгляд.

— Ниночка, — сказала она без шутки. — Ты сегодня язык придержи. После той фотографии тебе бы помалкивать.

Лида резко взяла Нику под локоть и потащила к выходу. Ника не сопротивлялась. Впервые с момента пробуждения ей стало ясно: у Нины Ковалёвой было прошлое, и это прошлое ждало её впереди.

Глава 6. Пять копеек в турникет

Второй автобус они всё-таки поймали, хотя Лида всю дорогу до остановки смотрела так, будто автобус виноват заранее. Москва оказалась не темой выпуска, а большой живой системой, где любой неверный шаг видел кто-нибудь с авоськой.

У остановки людей стало больше. Мужчина с газетой ругался на расписание, две женщины обсуждали молоко, мальчишка с портфелем ел хлеб и старался не уронить крошки на куртку. Карман молчал. Ника тоже.

— Не дёргайся, — сказала Лида. — Автобус придёт.

— А если нет?

— Тогда будем стоять, пока придёт.

— Удобная система.

— Зато честная. Никто не обещал, что приедет через четыре минуты и красивую машинку на карте покажет.

Ника посмотрела на неё.

— Я это вслух сказала?

— Ты всё лицом сказала.

Автобус пришёл с рывком, будто обиделся на всех, кто в него собирался. Ника хотела пропустить старушку, но старушка ловко обошла её первой, втиснулась между мужчиной и поручнем и ещё обернулась с видом победительницы.

— Не стой столбом, — Лида подтолкнула Нику. — Захо-

ди.

В салоне пахло мокрой одеждой, металлом и утренним дыханием большого города. Лида встала рядом, одной рукой держась за ремень, другой прикрывая Нику от чужих локтей.

— Платить где? — шепнула Ника.

— У водителя. Или компостер, если билет есть.

— Компостер?

Лида покосилась на неё.

— Нина, я тебя очень прошу. Не произноси это таким голосом, будто увидела новую планету.

Ника посмотрела, как женщина впереди вставила билетик в металлическую штуку и нажала. Раздался щелчок. Ника невольно вздрогнула.

— Это что, всё?

— Всё. А что ещё надо?

— Ну... турникет, валидатор, карта.

— Ты опять про своё?

— Уже нет.

Лида достала из кармана мелочь.

— Держи. На всякий случай. Только не растеряй. Пятаки отдельно, двушки отдельно.

— У меня есть пятак.

— Один пятак — это не богатство, а начало тревоги.

Ника взяла монеты. Мелочь была тёплая от Лидиной ладони. Она пересчитала: несколько пятаков, две копейки, три копейки. Здесь из них складывался маршрут.

Автобус дёрнулся. Ника не удержалась и наступила кому-то на ногу.

— Извините!

— Глаза-то есть? — буркнула женщина с сумкой.

— Есть, но они сегодня работают с перебоями.

Лида тихо фыркнула. Женщина с сумкой посмотрела на Нику, потом на Лиду и тоже усмехнулась.

— Бывает. У меня с понедельника так.

Ника впервые за утро почувствовала короткое облегчение. Шутка могла не собрать лайки, зато освобождала полпальца пространства возле поручня.

За окном шли дома, дворы, деревья, киоски, люди у остановок. Москва была узнаваемой только по внутреннему напряжению: все куда-то ехали и знали, зачем. Ника смотрела на улицу и пыталась сопоставить её с привычной картой. В этой Москве маршрут держался на памяти и чужих подсказках.

— Мы куда едем? — спросила она.

— До метро, потом одну остановку, там быстрее до Дома культуры.

— А почему не автобусом?

— Потому что тогда точно опоздаем. Метро не стоит в пробке.

— Зато метро стоит пять копеек, — сказала Ника и почти улыбнулась.

Лида посмотрела на неё с подозрением.

— Ты чего так радуешься пяти копейкам?

— У меня был ролик.

— Какой ещё ролик?

— Неважно. Я вчера говорила, что пять копеек за метро

— это мечта.

— Мечта — это когда после работы домой пришла, ребёнок сыт, суп не убежал и соседка не взяла твою кастрюлю. А пять копеек — это проезд.

Ника хотела возразить, но не нашла слов. Лида говорила без пафоса и потому убедительнее любой аналитики.

У метро они вышли вместе с толпой. Камень, двери, поток людей, таблички, спешка. Но вместо привычных турникетов с экранами впереди стояли другие проходы, и люди бросали монеты с таким спокойствием, будто это было естественное дыхание.

Ника остановилась.

— Это оно?

— Метро? Нет, Нина, это баня с эскалатором. Идём.

— Подожди.

Лида шагнула к входу, но Ника задержалась перед турникетом. В ладони лежал пятак. Пять копеек. В её мире за эти деньги не купишь даже пакет, который потом будут ругать в домовом чате. Здесь монета решала: пройдёшь ты вниз или останешься наверху со всей своей растерянностью.

— Нина, — позвала Лида. — Люди ждут.

Сзади начали ворчать. Ника бросила пятак. Ника шагнула

вперёд и рассмеялась.

— Пять копеек. Правда пять.

Мужчина позади сказал:

— А сколько вам надо, гражданка? Рубль?

— Не надо, — быстро ответила Ника. — Мне как раз.

Лида догнала её у эскалатора.

— Ты бы ещё экскурсию устроила.

— Прости. Просто это очень странно.

— Метро?

— Нет. Что дешёвое может быть таким... настоящим.

— Дешёвое не игрушечное, — сказала Лида. — Это ты у нас сегодня игрушечная.

Ника хотела обидеться, но не смогла. На эскалаторе люди стояли плотно, смотрели вперёд, молчали или говорили вполголоса. Она прошла. Действительно прошла. Пятак сработал. Сон не распался. Москва не моргнула и не вернула её домой.

На платформе пахло камнем, железом и чужими пальто. Поезд пришёл с ветром. Ника шагнула в вагон, и её прижали к двери. Ника привыкла к московскому метро, но здесь теснота была другой. Не хуже, не лучше, без привычного слоя экранов. Люди не прятались в телефоны. Ника впервые поняла, как много укрытия давал ей телефон. Можно было сделать вид, что ты занят, и мир отступал на ширину экрана. Здесь экран не спасал.

— Папку держи, — сказала Лида. — Помнут.

Ника прижала папку к груди.

— А если я сейчас выйду не там?

— Тогда вернёшься.

— Без карты?

— По указателям.

— А если заблужусь?

— Спросишь.

— У кого?

Лида посмотрела на неё с усталым любопытством.

— У людей, Нина. Они тут везде.

Ника рассмеялась, но в смехе не было прежнего облегчения. Люди действительно были везде. Здесь надо было обратиться к живому человеку и признать, что ты не справляешься. Для Ники это оказалось почти неприличным.

Они вышли через одну станцию. Лида шла уверенно. Память перегружалась. Она поймала себя на том, что ищет глазами знакомый синий значок приложения, которого тут быть не могло.

— Лида, мне всё равно надо позвонить.

— Опять?

— Не опять. Всё ещё.

— Кому?

— Бабушке. Или... домой.

— Ты же дома.

— Не совсем.

Лида остановилась возле стены, пропуская поток людей.

— Нина, если тебе так нужен телефон, возле выхода есть автомат. Только быстро. У нас и так времени нет.

— У меня есть две копейки?

— Я дала.

Ника достала мелочь. Монеты перепутались. Пятак, трёшка, две копейки. Она едва не выронила всё на пол, но Лида поймала её руку.

— Спокойно. Вот двушка. И номер у тебя есть?

Ника застыла.

Номер бабушки она знала — современный, мобильный. Свой номер она тоже знала, но её телефона здесь не было. Риту? Невозможно. Банк? Смешно. Домой? Какой домой, если дома в этом времени нет?

— Номер... — сказала она медленно. — Мне надо вспомнить.

— Ты хотела срочно позвонить и не помнишь номер?

— У нас номера в телефоне.

— Где?

— В голове телефона.

Лида посмотрела на неё так, что Ника сама поняла, как это прозвучало.

— Ладно. У вас тут всё в записной книжке?

— У нормальных людей — да.

Ника открыла записную книжку Нины. Там были номера: Зинаида Павловна, Дом культуры, Лида, Саша, редакция, «Клавдия П. тел. после 19». Ни одного выхода в её жизнь.

Она нашла номер Дома культуры и поняла, что может хотя бы предупредить о задержке. Это было взрослое, практическое решение. Не спасение из времени, зато шанс не получить разнос.

— Позвоню Зинаиде Павловне.

— Вот это мысль. Иногда ты почти возвращаешься.

Таксофон стоял у стены, с потёртой трубкой на металлическом шнуре. Она опустила монету, набрала номер из записной книжки. Диск крутился медленно. Каждая цифра возвращалась на место так долго, что Нике хотелось подтолкнуть время пальцем.

В трубке пошли гудки.

— Ну же, — сказала Ника. — Возьмите.

Гудки продолжались. Лида стояла рядом, поглядывая на часы у входа.

— Может, ещё рано?

— Им к девяти.

— А сейчас?

— Сейчас у нас «Нина, где вы пропадаете».

Ника набрала ещё раз. На третьем гудке в трубке щёлкнуло.

— Дом культуры, слушаю.

— Здравствуйте, это Нина Ковалёва. Я... мы задерживаемся. Будем скоро.

— Кто говорит?

— Нина Ковалёва.

— Нина? А почему голос такой?

Ника вцепилась в трубку.

— Какой?

— Испуганный. Это Саша. Ты где?

Саша. Фотограф. Ника быстро посмотрела на Лиду.

— У метро. Мы едем.

— Зинаида Павловна спрашивала. Малинин тоже заходил.

У Ники неприятно сжался желудок.

— Что ему надо?

— Тебя. То есть не тебя, а стенгазету. Говорит, посмотреть перед вывешиванием.

Лида, услышав имя, нахмурилась.

— Скажи, папка у нас, — шепнула она.

— Папка у нас, — повторила Ника в трубку. — Мы скоро.

— Нина, — голос Саши стал тише. — Ты вчера точно решила оставить снимок Лиды?

Ника не успела ответить. В трубке раздались короткие сигналы. Монета закончила разговор так спокойно, будто ей было всё равно, что Ника только добралась до самого важного.

— Алло? Саша? Алло!

Она ударила по рычагу, потом поняла, что выглядит как человек, спорящий с железом.

— Что случилось? — спросила Лида.

— Он спросил про твой снимок.

Лида побледнела на полтона, но быстро взяла себя в руки.

— Что ты ответила?

— Ничего. Разговор оборвался.

— И хорошо.

— Почему хорошо? Он хотел предупредить.

— Или спросить при ком-то.

— Ты ему не доверяешь?

Лида поправила сумку на плече.

— Сашке доверяю. Телефону — нет. Там мало ли кто рядом стоит.

Ника посмотрела на таксофон. Здесь даже разговор в железной будке не принадлежал только тебе. Монета решала длину фразы, чужой коридор решал, кто услышит, а отсутствие номера могло отрезать человека полностью.

— Давай ещё раз, — сказала Ника.

— Кому?

— Саше. Надо узнать про снимок.

— Нет. Сейчас идём.

— Лида, это важно.

— Важно прийти туда раньше Малинина. Если он увидит папку без нас, будет хуже.

— А если снимок тебя подставит?

Лида резко посмотрела на неё.

— Вот поэтому я и просила не трогать мою семейную тему. Вчера ты была смелая, сегодня стала заботливая. Я не успеваю за тобой.

Ника почувствовала укол стыда. Лида была права. В её мире это называлось уточнить мнение. Здесь это выглядело как ненадёжность.

— Я не хочу тебе навредить, — сказала она.

— Тогда не спорь посреди метро.

Они пошли к выходу. Снимок Лиды. Снимок тёти Вали. Стенгазета. Дом культуры. Калинин. Все эти слова соединялись, но смысл ещё ускользал.

На улице у метро шум был плотнее. Лида ускорила, но не успела. Двери закрылись перед ними.

— Отлично, — сказала Лида. — Просто прекрасно.

— Когда следующий?

— Если бы я знала, я бы была начальником транспорта.

Ника снова потянулась к пустому карману. Рука сама искала телефон, карту, кнопку заказа такси. В кармане был только платок. Раньше это телефон держал её ощущение, что жизнь под контролем. Можно опоздать, но вызвать машину. Заблудиться, но открыть карту. Забыть номер, но найти контакт. Здесь любая ошибка оставалась с тобой и требовала живого решения.

— Может, поймать машину? — спросила Ника.

Лида усмехнулась.

— Какую?

— Ну... такси.

— У тебя денег много?

— Не знаю.

— Вот именно. И потом, ты где его ловить собралась? С пальчиком у дороги стоять? Доедем автобусом. Если придёт.

— А если не придёт?

— Тогда пойдём пешком и будем ещё сильнее опаздывать.

Ника посмотрела на дорогу. Машины проходили редко.

Ника почувствовала злость, но злиться было не на кого. На год? На сон? На пятак?

— Вчера я сказала, что дешёвый транспорт — это свобода, — пробормотала она.

— Что?

— Ничего. Глупость сказала.

Лида устало поправила волосы.

— Дешёвый транспорт — это хорошо. Но свобода — это когда ты заранее вышла.

Ника посмотрела на неё и неожиданно засмеялась.

— Ты понимаешь, что звучишь как мой будильник, только с моралью?

— Если бы ты слушала будильник, мы бы сейчас не стояли.

Автобус пришёл через семь минут. Телефон остался где-то в 2026-м, а здесь у неё были только папка и пятак.

В автобусе им пришлось стоять у задней двери. Лида молчала. Это не решало проблему, зато не создавало новую.

Дом культуры оказался ближе, чем Ника ожидала, но к тому моменту они опоздали. Здание стояло за деревьями, с афишей у входа и широкими ступенями. Здесь мог стоять

стол с цветами. Здесь люди могли смотреть на стенгазету. Здесь могла начаться та история, которую бабушка не договорила.

— Идём, — сказала Лида. — Только помни: первые пять минут не споришь.

— А если на меня нападут?

— Тогда молчишь выразительно.

— Я так не умею.

— Учись быстро.

Внутри пахло полом после уборки, бумагой и пылью от занавеса. В коридоре висели афиши, стояли стулья, где-то за дверью брэнчало пианино. Ника прошла за Лидой, прижимая папку. Она посмотрела на Нику так, будто знала итог разговора.

— Нина, — сказала женщина. — У вас второе замечание за неделю.

Лида рядом едва заметно напряглась. Она закрыла рот и крепче взяла папку. Пятак помог пройти в метро, но не спасал от последствий.

Глава 7. Гастроном у метро

Зинаида Павловна не повысила голос и от этого выглядела ещё опаснее. Ника держала папку перед собой, Лида стояла рядом и смотрела в пол с выражением женщины, которая утром спасла достаточно, но день не оценил её труд.

— Нина, у вас второе замечание за неделю, — повторила Зинаида Павловна. — Я понимаю творческое волнение. Но Дом культуры открывается по расписанию, а не по вдохновению.

— Простите, — сказала Ника. — Мы задержались из-за папки.

— Папка сама решила остаться дома?

Лида кашлянула в кулак. Ника на секунду растерялась: Зинаида Павловна шутила или оформляла удар вежливой бумагой.

— Я её забыла, — призналась Ника.

— Вот это похоже на правду. Проходите.

Кабинет оказался маленьким, но в нём всё стояло на своих местах: стол, машинка, стопка листов, банка с карандашами, стул для виноватых. Ника положила папку на стол. Зинаида развязала тесёмки, пролистала бумаги и задержалась на фотографиях.

— Это вы вчера отобрали?

— Да, — сказала Ника, хотя слово царапнуло. Она не пом-

нила вчера, но отвечать приходилось ей.

Зинаида посмотрела поверх очков.

— Сегодня вы отвечаете короче, чем обычно. Это хорошо, но подозрительно.

Лида не выдержала:

— Она плохо спала.

— Я вижу. Нина всегда плохо спит перед тем, как сделать что-нибудь заметное. Заметность, товарищи, вещь полезная, если она не разваливает стенд и людей вокруг него.

Ника вспомнила кухню, Анну Семёновну и слова про фотографию. Ей захотелось спросить, что все знают, но она удержалась. В этой Москве вопрос мог прыгнуть дальше ответа.

Зинаида достала из папки лист с машинописным текстом.

— Текст живой. Местами слишком. Про тётю Валю убиваем.

— Почему? — спросила Ника и почувствовала локоть Лиды.

— Потому что тётя Валя работает в прачечной, а не просилась быть лицом народной усталости.

— Я так написала?

— Вы написали красивее. Поэтому хуже.

Зинаида отложила лист. Потом открыла ящик стола, достала деньги и небольшой список.

— Сейчас пойдёте в гастроном у метро. Для редакционного чаепития нужны хлеб, сахар, лимон, если будет, и что-

нибудь к чаю. Без подвигов. Без разговоров про правду. Без новых фотографий.

Ника взяла список. Почерк был разборчивый, командный. Деньги лежали рядом: рубль, мелочь, несколько монет.

— А почему я?

— Потому что вы опоздали, и я решила превратить ущерб в пользу.

— Логично.

— И потому что вам полезно постоять в очереди, прежде чем писать о людях на стене.

Лида быстро посмотрела на Нику. Ника поняла: это не поручение. Это воспитательная мера, оформленная под покупку сахара.

— Я схожу, — сказала она.

— Лида, проводите её до выхода. Потом возвращайтесь. Мне с вами надо обсудить снимок.

Лида напряглась.

— Какой снимок?

Зинаида подняла глаза.

— Тот, который лучше не обсуждать в коридоре.

Ника сжала список. Снимок Лиды. Значит, он в папке. Значит, утренние разговоры на кухне не были пустым шумом.

— Я могу...

— Вы можете сейчас купить продукты, Нина. Остальное после.

В коридоре Лида шла рядом молча. У лестницы она остановилась.

— Слушай внимательно. В гастрономе не лезь вперёд, не спорь с продавщицей, не говори слово «сервис» и не удивляйся вслух ценам.

— Я уже не такая глупая.

Лида посмотрела на неё.

— После сегодняшнего утра это смелое заявление.

— Ладно. Я постараюсь.

— Список не потеряй. Деньги держи отдельно. Если лимонов не будет, не устраивай собрание. Просто купи то, что есть.

— А если ничего не будет?

— Значит, принесёшь хлеб и лицо человека, который понял жизнь.

Ника усмехнулась. Лида поправила ей воротник, как утром, но мягче.

— И ещё. Если услышишь фамилию Малинин, не поворачивайся сразу. Сначала слушай.

— Почему?

— Потому что люди любят говорить, пока думают, что их не слушают.

Это был совет блогера, только без телефона и аналитики. Ника кивнула и пошла к выходу.

Гастроном стоял рядом с метро, за углом от остановки. В гастрономе пахло хлебом, мокрыми пальто, сахаром и рыбой

из соседнего отдела.

Первое, что её поразило, — цены. Хлеб стоил копейки. Молоко — смешные, почти игрушечные деньги. Сахар тоже не выглядел угрозой бюджету. С такими ценами можно жить легче.

Потом она увидела очередь.

Очередь не стояла. Она жила. У прилавка продавщица с сильными руками резала хлеб и отвечала так быстро, что Ника не понимала, где заказ, где замечание, а где приговор.

Ника пристроилась в хвост и открыла список. Хлеб, сахар, лимон, печенье. Просто. Здесь три минуты ушли на то, чтобы понять, кто последний.

— Вы за кем? — спросила Ника у женщины с синей авоськой.

Женщина посмотрела на неё с удивлением.

— За хлебом.

— Нет, я в смысле в очереди.

— А, за мной будете. Только я ещё за сахаром, если дадут.

— А если не дадут?

— Тогда не буду.

Ответ был настолько простой, что Ника чуть не рассмеялась. Женщина с авоськой не смеялась. Она смотрела вперёд с лицом человека, который знал: магазин не обязан совпадать со списком.

Перед ними мужчина в кепке спросил:

— Лимоны есть?

Продавщица даже не подняла головы.

— Утром были.

— А сейчас?

— Сейчас вас вижу, лимонов не вижу.

Очередь хмыкнула. Мужчина отошёл, но не сразу, будто надеялся, что лимоны появятся от силы его обиды.

Ника посмотрела на список. Лимон был важен для Зинаиды Павловны или желателен? Можно заменить? Чем? В её мире приложение предложило бы «похожие товары». Здесь похожий товар надо было придумать самой и ещё объяснить продавщице, почему ты задаёшь лишний вопрос.

Очередь подвинулась на полшага. Ника тоже шагнула и задела папкой женщину сзади.

— Осторожнее, девушка. У вас там кирпичи?

— Фотографии.

— Тогда тем более. Фотографии нынче тяжелее кирпичей бывают.

Ника обернулась. Глаза у неё были весёлые, но внимательные.

— Вы меня знаете?

— Я вас нет. А вот про вас слышала.

Ника внутренне сжалась.

— И что слышали?

— Что Нина из Дома культуры опять что-то затевает. У нас новости быстрее хлеба расходятся.

— Я за продуктами.

— Все мы «просто». А потом глядишь — стенгазета висит, и у тёти Вали халат на весь завод.

Женщина с синей авоськой впереди повернулась.

— Так это вы та самая Нина?

— Какая та самая?

— С фотографиями.

Ника вспомнила Лиду: сначала слушай. Она заставила себя не оправдываться.

— Я работаю над стенгазетой.

— Работает она, — сказала женщина сзади без злости. — Только вы аккуратнее работайте. Бумага всё стерпит, а люди потом нет.

Очередь подвинулась ещё. Впереди продавщица объявила:

— Сахар по килограмму в руки. Не занимать по два раза. Я всех вижу.

Сразу начался гул. Один мужчина сказал, что у него дома трое детей. Женщина ответила, что дети у всех, а сахар один. Очередь засмеялась, но порядок удержала.

Ника смотрела и злилась. Почему нельзя взять и купить? Деньги же есть. Сахар лежит где-то рядом. Продавщица стоит у прилавка. Все участники процесса на месте, но покупка превращается в общественное испытание.

Когда подошла её очередь, Ника выпрямилась.

— Мне хлеб, килограмм сахара, лимон, если есть, и что-нибудь к чаю.

Продавщица посмотрела на неё поверх весов.

— Лимонов нет.

— А когда будут?

— Когда привезут.

— А когда привезут?

— Девушка, я похожа на лимонный календарь?

За спиной кто-то прыснул. Ника почувствовала, как лицо становится горячим.

— Хорошо. Тогда без лимона. Что есть к чаю?

— Сушки есть. Пряники были.

— Были — это значит закончились?

— Это значит были.

Ника глубоко вдохнула. Здесь продавщица была не сервисом, а пограничником между желанием и наличием.

— Тогда сушки.

— Сколько?

Ника растерялась. Сколько нужно для редакционного чаепития? Людей сколько? Шесть? Десять? В Доме культуры они едят как обычные люди или как сотрудники, обиженные на опоздавшую Нину?

— Полкило, — сказала она наугад.

— Полкило, — повторила продавщица и начала взвешивать.

Женщина сзади тихо сказала:

— Много берёшь, Ниночка. Культура нынче голодная?

Ника не ответила. Молоко в стеклянных бутылках стояло

в ящике. В списке молока не было, но Ника вспомнила редакционный чай и решила: молоко лишним не будет. В двадцать шестом году это называлось проявить инициативу.

Она шагнула к молочному отделу, обошла двух женщин, которые будто не стояли, а разговаривали сбоку. Тут же раздалось:

— Девушка, вы куда?

Ника остановилась.

— За молоком.

— Все за молоком.

— Я не поняла, где конец очереди.

— А спросить? Глаза у нас для красоты, язык для дела.

Ника повернулась. На неё смотрели пять человек. Но в лицах вокруг не было места для объяснений. Здесь порядок держался не табличкой, а памятью тех, кто пришёл раньше.

— Извините, — сказала она. — Я правда не поняла. Кто последний?

Женщина у стены кивнула.

— За мной будете. Только я две бутылки беру.

— Хорошо.

Гул стих. Ника встала куда указали. Сердце билось быстро для молока. В её мире ошибка в очереди часто решалась извинением и перестановкой в конец. Здесь ошибка становилась характеристикой: эта девушка не смотрит, не спрашивает, считает себя умнее.

Женщина с синей авоськой подошла ближе, с хлебом.

— Вы не обижайтесь. У нас сейчас все нервные. Молоко к обеду может кончиться.

— Я не обижаюсь.

— Обижаетесь. По лицу видно.

— У меня лицо сегодня вообще живёт отдельно.

Женщина улыбнулась.

— Это бывает. У меня муж так живёт. Я ему говорю одно, лицо у него отвечает другое.

Ника рассмеялась. Очередь немного потеплела. Стекло было прохладным, крышка из фольги чуть проминалась под пальцем. Эта бутылка имела вес, который приложение никогда не передавало.

На выходе Ника задержалась у кассы и пересчитала сдачу. Денег ушло мало. Смешно мало. В её Москве похожий набор стоил бы как маленькая обида на жизнь. Здесь цены почти утешали.

Но за это утешение она заплатила временем, стыдом, ожиданием, чужими взглядами и пониманием, что наличие товара не спрашивает твоих планов.

Ника вышла из гастронома с сумкой в одной руке и папкой в другой. Ника не хотела слушать, но услышала фамилию.

— Малинин опять ходил к Зинаиде.

— Из-за выставки?

— А из-за чего ещё. После прошлой выставки люди долго отмывались.

Ника замедлила шаг. Лида говорила: не поворачивайся сразу. Она сделала вид, что поправляет сумку.

— Кого тогда сняли? — спросила первая женщина.

— С очереди не сняли, но отодвинули. Формально за другое. Все всё понимали.

— Из-за фотографии?

— Из-за разговоров после неё. Фото повесили, люди узнали себя, начальство узнало лишнее. А крайними стали те, у кого жилплощадь и характеристика слабее.

Ника почувствовала, как ручка сумки врежется в пальцы.

— И сейчас опять Нина суется, — сказала первая. — Молодая, смелая. Только смелые редко первыми получают по голове.

— За них получают те, кто рядом стоит.

Женщины пошли к остановке. Ника осталась у двери гастронома. В руках у неё были дешёвый хлеб, дешёвое молоко и папка с фотографиями, которые могли стоить кому-то комнаты. Сейчас чек был в кармане, сдача звенела в ладони, а настоящая цена только начинала проступать.

Глава 8. Стенгазета вместо сторис

К Дому культуры Ника вернулась с хлебом, сахаром, сушками, бутылкой молока и чувством, что сумка стала тяжелее не из-за продуктов. Гастроном у метро скрылся за поворотом, но очередь будто шла за ней следом: чужие взгляды, короткие реплики, фамилия Малинина и разговор о выставке, после которой людей отодвигали от жилья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.